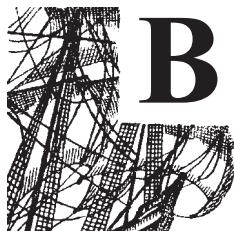

Даг Т. Елгин

І ОДАØ ÅÑÒÂÈ В ÂÈ ÈÈÅÍ À AAÐÅÍ ØÀ

THE VOYAGES OF WILLEM BARENTS

конце XVI века между Европой и Востоком начали интенсивно налаживаться торговые отношения. Но поскольку морской путь вокруг Африки был "оккупирован" португальцами, нидерландские торговцы начали вести торговлю с Финляндией и Россией. Корабли голландцев стали частыми гостями на Белом море. В это же время появляется мысль о существовании пути в Китай через северные районы России.

Несколько богатых купцов из Амстердама, Миддельбурга и Эйдкунена в 1593-м и 1594 году снарядили четыре корабля, а именно: два от адмиралтейств Зеландии и северной Голландии, третий и одна яхта от амстердамского правительства. "Лебедь" и "Меркурий", под главным начальством, Корнельса Ная имели назначение найти проход между Вайгачем и материком, т. е. пройти через Югорский пролив.

Амстердамским судам, "Посланнику" и яхте, было поручено обогнуть с севера Новую Землю, потому что школа Меркатора установила тезис, что вследствие быстрого перехода от прилива к отливу арк-

тическое море на Крайнем Севере не может быть покрыто льдами.

Штурманом "Посланника" был назначен опытный моряк Виллем Баренц из Тертельланга, человек образованный, смелый и небывалой предприимчивости. О прежней жизни этого знаменитого моряка почти ничего неизвестно. Год его рождения тоже неизвестен; известно только, что он был из амстердамских граждан.

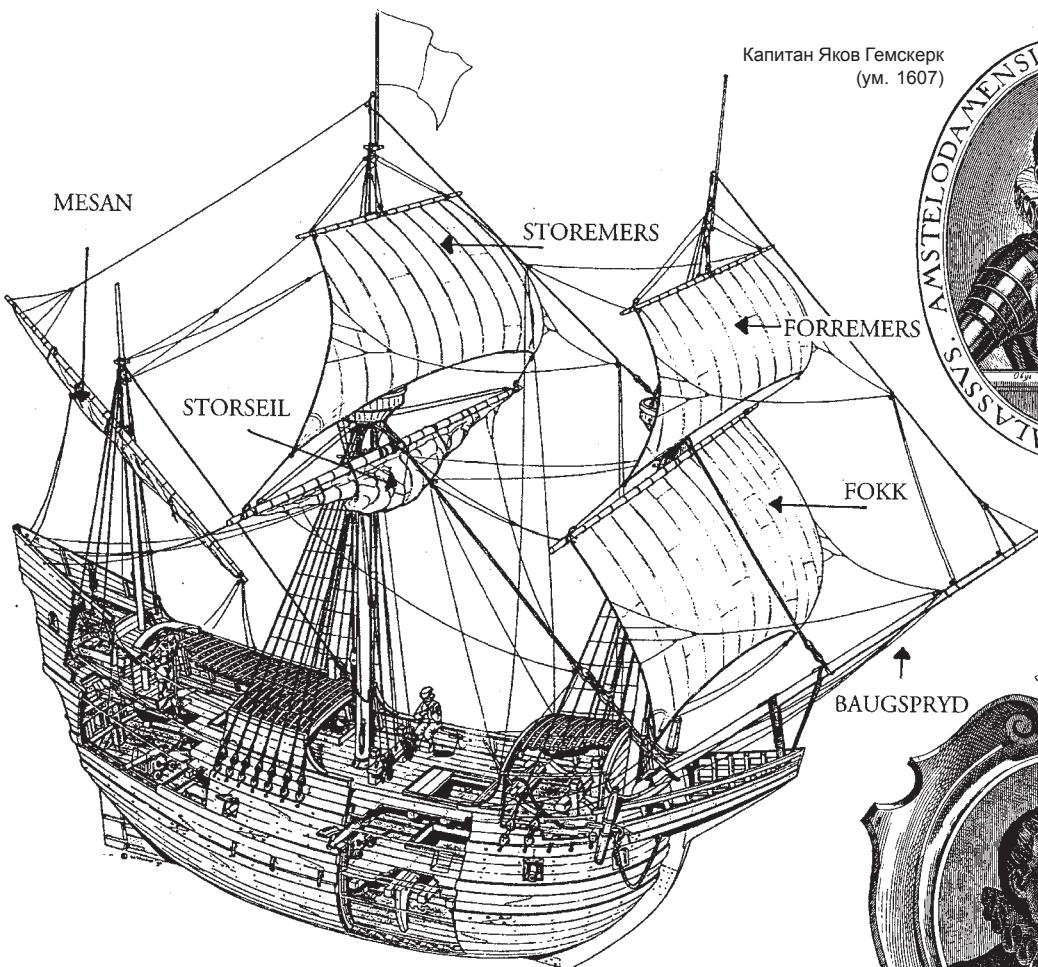
В те времена западная часть Новой Земли уже была открыта и нанесена на многие карты, и Баренцу предстояло решить вопрос, является ли эта земля островом.

18-го июня 1594 года Най вышел со своими кораблями из Гюйсдуйнена около Текселя в море; вскоре за ним последовал и Баренц. Условлено было, что оба отряда поплынут вместе до острова Кильдин.

12-го июля они действительно дошли вместе до Кольского залива и здесь разделились. Баренц взял курс на северо-восток, и 17-го июля увидел берег Новой Земли под $73^{\circ} 25'$ с. ш.

Пристав к берегу в обширной "Софроновой губе", он нашел здесь следы

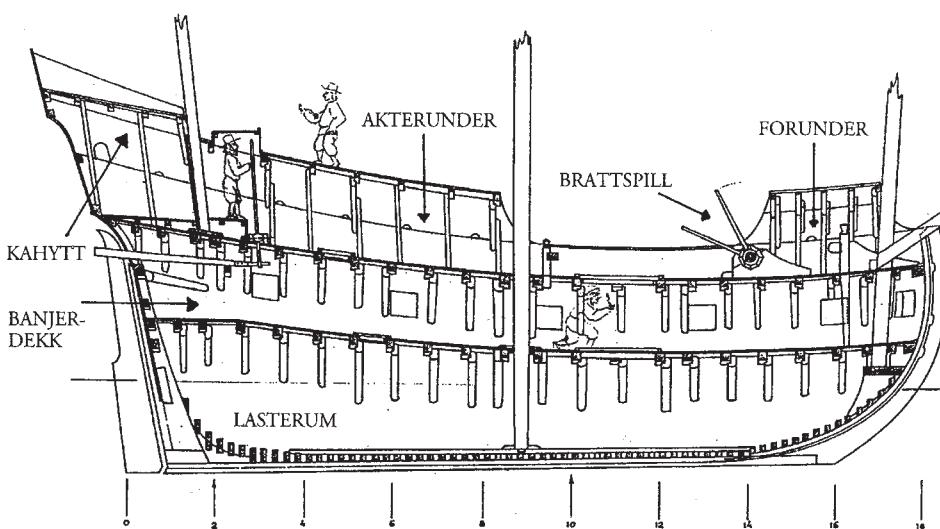

Капитан Яков Гемскерк
(ум. 1607)

*Реконструкция корабля
Виллема Баренца*

Штурман Виллем Баренц
(1550-1597)

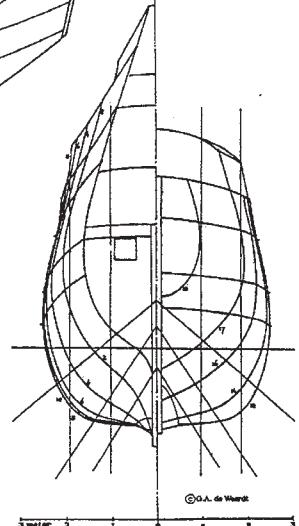

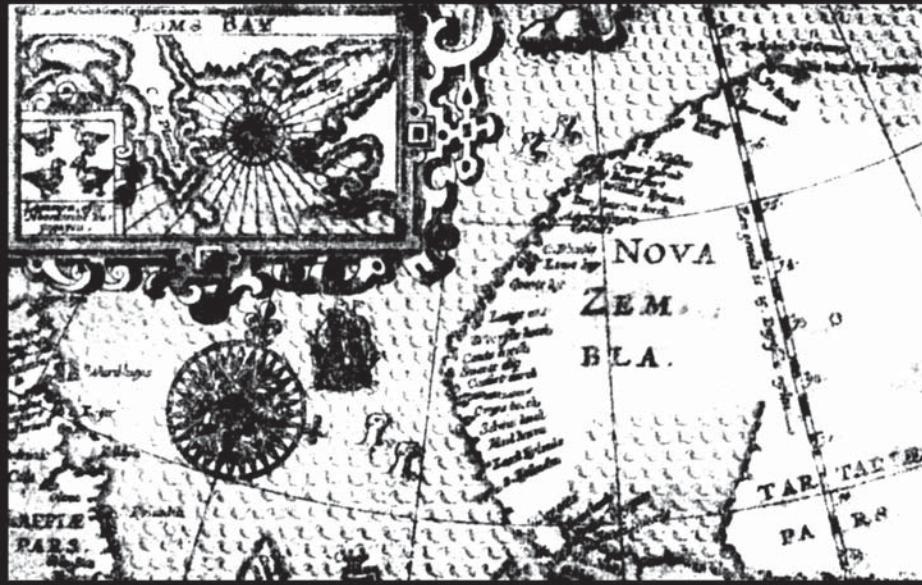
Lengdesnitt

Rekonstruksjon av Barentsz' jakt

© G. A. de Weerdt

Spanetplan

Эта карта объясняет путь от Кильдина до Оранских островов, до которых доходил Виллем Баренц в свое первое плавание. На карте представлена гавань залива, названного Ломсбэй. Это имя получило он от птиц, оказавшихся там в огромном количестве. У них большое тело и маленькие крылья, так что удивительно, как маленькие крылья могут поднимать огромные тяжелые туши. Они устраивают гнезда на крутизнах гор, чтобы быть в безопасности от животных, и кладут всего одно яйцо. Людей они николько не боялись, и даже если их хватали в гнезде, остальные, находясь по соседству, не улетали.

человеческого пребывания. Двигаясь к северу, Баренц миновал большую бухту, которую по встреченным там в изобилии птицам назвал "Lombsbay". По-видимому, это нынешняя Крестовая губа.

19-го июля корабли Баренца дошли до Черного Мыса под $75^{\circ} 20'$ с. ш. В 60 километрах отсюда был открыт остров Вильгельма, принадлежащий к группе "Горбовых островов". Здесь он встретил массу сплавного лесу и лежбища моржей. Широту острова он определил в $75^{\circ} 55'$ с. ш., на десять минут севернее, чем впоследствии у капитана Литке.

10-го июля Баренц увидел голый Крестовый остров под 76° с. ш., и через 60 километров они достигли мыса Нассау, отлого-низменного и очень опасного по причине бесчисленных подводных рифов, его окружающих. Уже 26-го июля путешественники встретили первые ледяные поля. Пробираясь между берегом и плавучими льдинами,

луострова Канина; в следующие два дня опять появился сильный лед, двигавшийся из большого залива между мысом Каниным и Святым носом (Чешская губа). 9 июля Най встретил четыре русские лодьи, направлявшиеся к устью Печоры. Моряки отсоветовали ему идти к Югорскому Шару, потому как он "заполнен льдами, подводными камнями, а равно моржами и огромными китами, угрожающими судам опасностью". Голландцы однако не послушались, и 16-го июля пошли дальше на восток при теплой, даже жаркой погоде и снова встретили лодью с русскими рыбопромышленниками. Голландцы узнали, что до устья Печоры 81 километр и там есть отличная гавань. 18-го числа они вошли в Печору, бросили якорь на глубине 11 метров и переждали там до конца сильную бурю с северо-востока. 21 июля в 220 км от Печоры они увидели остров Вайгач. Море на всем пространстве было покрыто плавучим лесом, громадными стволами с корнями и сучьями, по их предположению, сплавляемыми по какой-либо большой реке. Подходя к острову, они были поражены зеленью трав и цветами. Проплыв еще 22 километра, они открыли пролив в 7 км ширины, с островом в середине. Най полагал, что это пролив, отделяющий остров Вайгач от материка. Как только они бросили якорь, Най послал гребные суда для измерения глубины. Сильное течение, пригонявшее множество льда, утвердило его в том убеждении, что они находились в проливе. Это был Югорский Шар. На берегу острова Вайгач они нашли более 400 идолов самой грубой работы, вследствие чего они назвали это место "Мысом Идолов" (Бол-

Рисунки на стр. 60-75 и комментарии к ним взяты из "Морского дневника" Г. Де-Фера (1598 г.) – Ред.

они добрались до мыса Утешения. 29-го июля под широтою 77° они увидели по направлению к востоку одну из северных оконечностей Новой Земли, которую назвали "Ледяным Мысом". 13-го августа Баренц дошел до острова "Орамина" и здесь остановился. Море было покрыто сплошными массами льда, и команда начала роптать, поэтому Баренц уже 14-го августа пустился в обратный путь, на встречу с отрядом Ная.

В свою очередь, Най 15-го июня вышел из Кильдина к востоку. Через три дня он наткнулся под $71^{\circ} 20'$ на плавучий лед и такой густой туман, что он его принял за землю. 7 июля он подошел к берегу по-

Изображение острова Виллема, Крестового острова и Беренфорта, где медведь показал изумительную силу и смелость; именно, хотя и пораженный пулей, он чуть не погубил лодку с бывшими в ней моряками, но удивительный случай удержал его и освободил моряков, которые потом закололи медведя и сняли шкуру.

вановский нос). 1 августа они прошли в открытое море (Карское), которое они назвали Новым Северным морем. Там их встретил до того сплошной лед, что они уже хотели было повернуть обратно, но на их счастье увидали небольшой остров (Мясной). На нем было много горного хрусталия, похожего на отшлифованные бриллианты. Опять показался плавучий лед. Пройдя далее, они увидели низменный берег. К югу открывался залив, в который впадала большая река, которую они приняли за Обь. Най решил, что берег отсюда тянется до мыса Табина и далее до Китая и что задача их решена. Прибрежное пространство между проливом Нассауским и мимою рекою Обью они назвали Новою Голландией. Было решено прекратить дальнейшее путешествие и пуститься в обратный путь. 28 августа они сошлились с Баренцем, а в конце сентября бросили якорь на родине, у о. Текселя.

АК как Най видел перед собою открытое море, то все были уверены, что Северо-восточный проход найден. Поэтому в следующем уже году, для дальнейшего следования по этому пути, была снаряжена новая экспедиция с участием Генеральных штатов и принца Оранского, состоящая не менее как из семи кораблей.

В экспедиции 1595 года принимали участие следующие суда:

1. "Griffon" из Зеландии, 200 тонн. Командир Корнелис Най, бывший вместе с тем адмиралом всей флотилии.

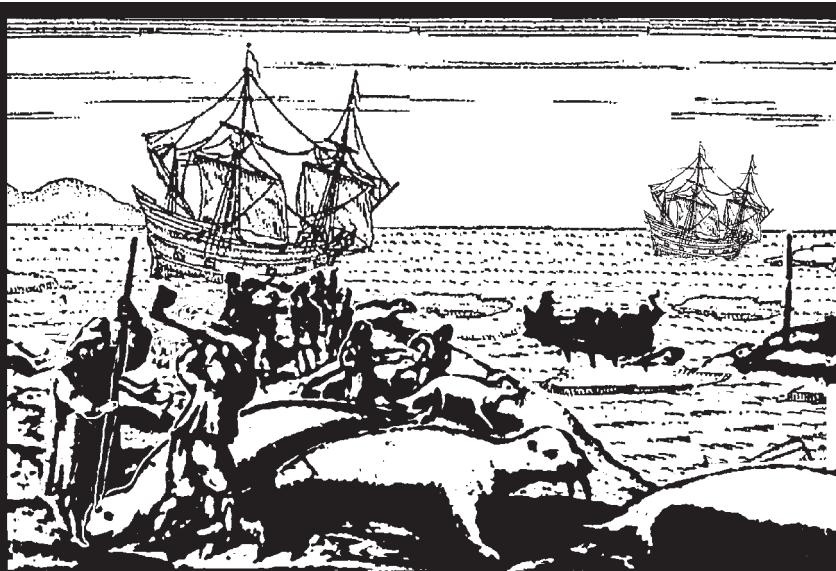
2. "Swane" из Зеландии, 100 тонн. Командир Ламберт Герритсон Ом.

3. "Hore" из Энкхейзена, 200 тонн. Командир Брант Избрантсон, он же вице-адмирал флотилии.

4. "Mercurius" из Энкхейзена, 100 тонн. Командир Томас Виллемсон.

5. "Winthont" из Амстердама, 200 тонн. Командир Виллем Баренц, он же главный штурман флотилии.

6. Яхта (название неизвестно) из Амстердама, 100

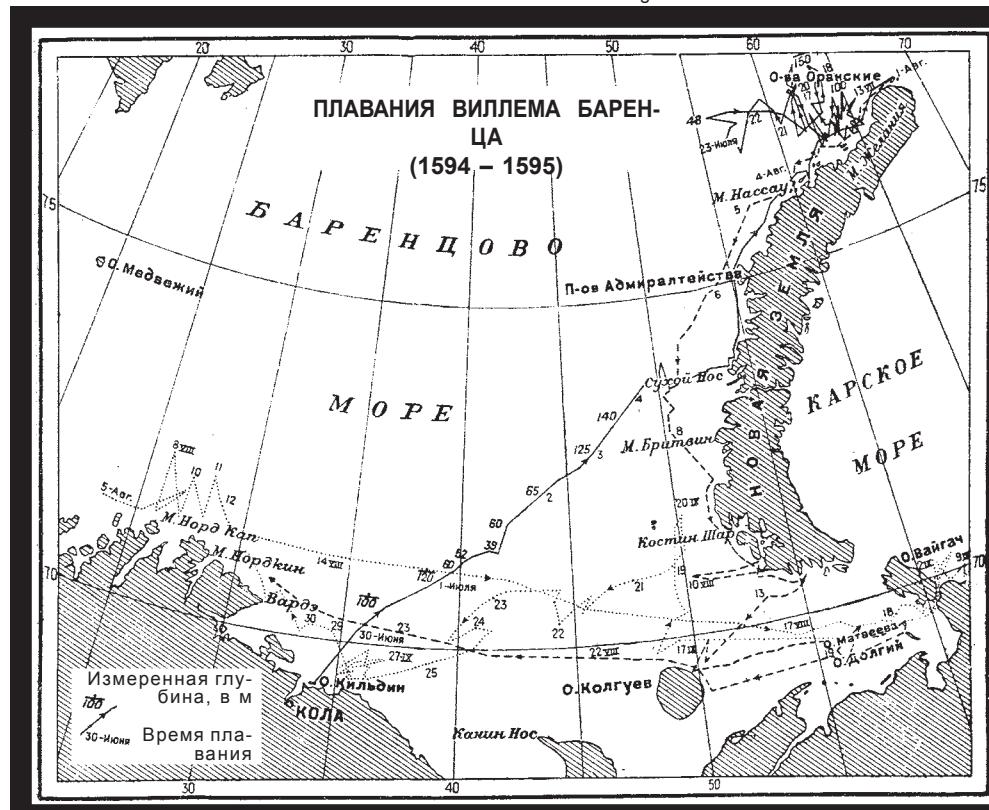
Изображение морских зверей – моржей, очень сильных чудовищ, опрокидывающих иногда лодки промышленников, и рисунок, представляющий борьбу моряков с почти двумястами таких чудовищ, валявшихся вместе на песке, так что моряки попортили все оружие и не могли убить ни одного; когда же они готовились ехать, чтобы лучше вооружиться для битвы с моржами, им помешала буря.

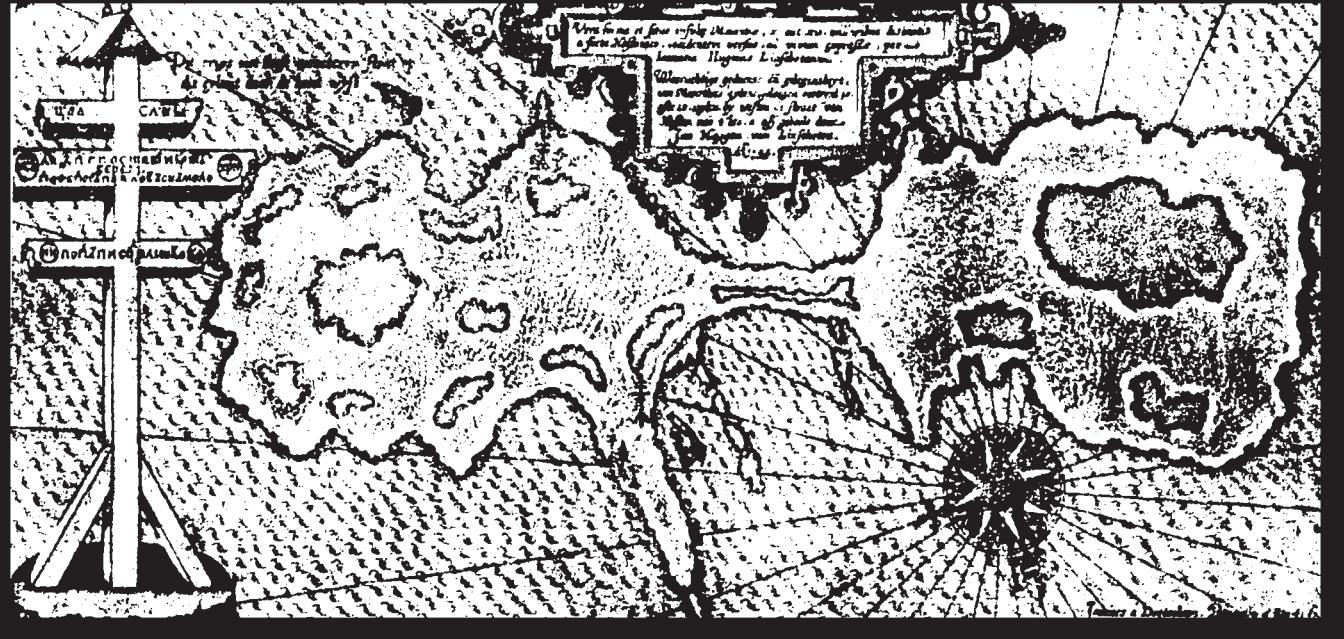
тонн. Командир Харман Янсон.

7. Яхта (название неизвестно) из Роттердама, 40 тонн. Командир Хендрик Хартман.

В качестве торговых комиссаров в экспедиции участвовали Ян Линсхотен, Яков Гемскерк, Ян Корнелиссон Рийп, Кристоффель Сплиндер и Франсуа де ла Даль. В этой экспедиции участвовал также Геррит Де-Фер, автор "Морского дневника". Какую должность он занимал в экспедиции – неизвестно, но возможно, что он состоял вторым штурманом на корабле Баренца. Во всяком случае, известно, что Де-Фер изучал навигацию. Если прибавить, что он умер несколько ранее 1627 года, то этим и исчерпываются все дошедшие до нас биографические сведения об ав-

The sailing routes of W. Barents 1594 and 1595

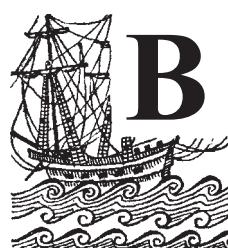
Остров Матвеева с изображением стоявшего на нем русского креста

торе описания плаваний Баренца.

Все суда были богато снабжены провиантом и другими товарами для меновой торговли. Даже шлифовщики бриллиантов и золотых дел мастера отправились на этих судах, чтобы немедленно отделять те сырье материалы, которые там найдутся или будут выменяны. Главное начальство было вверено адмиралу Наю. Командование отдельными судами было поручено капитану Виллему Баренцу. К нему был прикомандирован славянин Христофор Шпинделер в качестве переводчика.

Вся эскадра вышла из Голландии 2 июля 1595, обогнула 7 августа Нордкап и затем разделилась. Один отряд пошел в Белое море, другой держал курс на восток. 2-го сентября они вошли в Карское море. Непогода заставила их укрыться за Мясным островом. 8-го сентября было общее совещание, и, по большинству голосов, решено было возвращаться назад. Один только Баренц

возражал: он утверждал, что следует или ныне же подняться по западной стороне Новой Земли и, перезимовав на месте, следующим летом продолжать плавание. Предложение его было отвергнуто. Позднею осенью экспедиция вернулась на родину. И хотя плавание 1595 г. было неудачным, нидерландское государство назначила премию в 25 тысяч гульденов тому, кто все же откроет Северо-восточный проход.

свою очередь амстердамские купцы, которых неудача 1595 года не обескуражила, согласились снаряdzić новую экспедицию из двух кораблей, названия которых нам неизвестны. Командование этими судами было вверено Якову Ван Гемкерсу и Яну Корнелиссону Рийпу, а Баренц был назначен главным штурманом экспедиции. На корабле Гемкерса вместе с Баренцем находился Геррит Де-Фер, которому мы обязаны подробными отчетами об этом, так и о двух предыдущих плаваниях.

Баренц был глубоко убежден в том, что морской путь на восток должен проходить севернее Новой Земли. Поэтому, выйдя из Норвегии, они взяли курс на север.

5 июня в 1596 года они встретили первый лед, а 9-го подошли к неизвестному острову под $74^{\circ} 30' \text{ с. ш.}$. Здесь было собрано множество яиц чаек, и недалеко от берега был убит громадный белый медведь, по которому открытому острову и было дано название – "Медвежий". 13-го июня

Изображение достойного сожаления нападения, произведенного на двух наших свирепым, жестоким и прожорливым медведем, растерзавшим их, и того, как мы дважды бились с ним всеми силами и очень долго трудились, прежде чем сумели убить его; как он, пока был жив, уже раненный, пораженный пулями и ударами, не хотел выпускать добычи

корабли взяли курс на северо-запад. 19 июня, под $80^{\circ} 11' \text{ с. ш.}$ они увидели полоску земли, которую голландцы приняли за часть Гренландии. Это была самая северная часть Шпицбергенской группы. После недолгого совещания корабли вернулись на о. Медвежий, а затем курсы судов разошлись. Ян Рийп пошел на север вдоль восточной стороны Шпицбергена, а Баренц отправился на восток и дошел до Новой Земли примерно на 75° с. ш. Ветер дул с юго-запада, море было почти полностью свободно ото льда, и настроение мореплавателей было прекрасным. В течение одной недели они прошли более 200 км в восточном направлении. 21 августа их движение остановил шторм, который принес за собой огромные массы льда и заставил капитана корабля укрыться в Ледяном заливе (Ushaven). 24-го числа лед раздробил руль у корабля и раздавил одну гребную лодку. На следующий день течение вынесло большую часть льда из бухты, и Баренц с товарищами опять вышли в море. Но вскоре напор льда опять усилился, и в достопамятный 26-й день августа корабль окончательно был остановлен льдами.

Голландцы находились ровно под 76° с. ш. "30-го числа, — записывает в своем дневнике Де-Фер, — при сильной вьюге льдины стали громоздиться вокруг нашего корабля, его приподняло льдом, который так его окружил, что все находившееся вблизи и вокруг него страшно трещало и стонало. Казалось, что корабль должен развалиться на тысячи кусков. Положение было такое ужасное, что у моряков волосы становились дыбом. В таком же опасном положении находился корабль еще и после, когда льдины подходили под него и его подталкивали, или его бросали, или его подымали, как будто подведенна подъемная машина. Вскоре судно затрещало по всем швам до такой силы, что благородумие требовало снять с него часть продовольственных запасов, паруса, порох, свинец, мушкеты и другое оружие и приступить к пост-

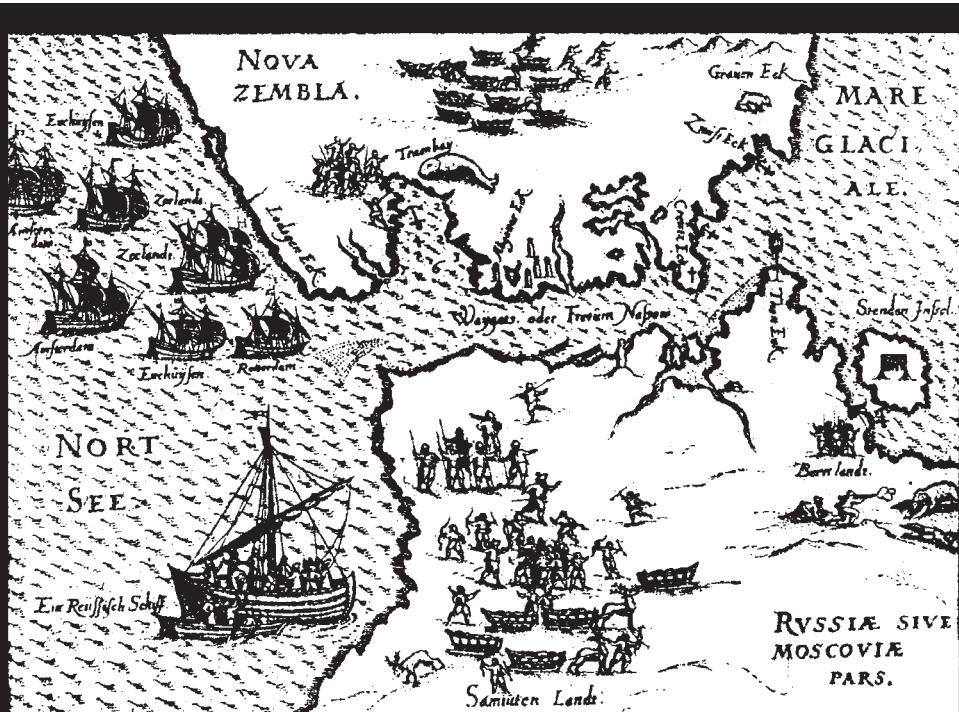

Изображение изумительного боя, происходившего со свирепым и неустранимым медведем, с которым долго боролись две лодки, полные людьми, причем оружие большей частью поломалось раньше, чем люди могли одолеть его; острову, у которого это случилось, поэтому дано было название Медвежьего

ройке бревенчатой избы".

Но еще две недели голландцы безуспешно прилагали свои усилия, чтобы освободить судно из ледяного плена, пока, наконец, не осознали, что это им не под силу. Паковый лед давил все сильнее и сильнее, и они начали перетаскивать бочки с хлебом и вином и одну из лодок на лед. Но они все еще продолжали жить на борту судна. Прошло еще несколько дней, прежде чем они поняли, что этой осенью судно не сможет освободится из ледяного плена и что им придется зимовать, и что они бесполезно потеряли много драгоценного времени.

У людей не было хорошей одежды, и запас

Корабли встречаются около Вайгача, а именно корабль Виллема Баренца и фрегат, пришедшие с севера Новой Земли, с кораблями зеландским и энсхейзенским, пришедшими с Вайгача; они готовятся плыть домой, так как были посланы только для определения положения, протяжения и берегов Тартарии и Тартарского моря. Эта карта показывает внешность, положение и протяжение Вайгача, называемого иначе Нассауским проливом, остров Штатов, Ворванный залив, мыс Идолов, Крестовый мыс и мыс Спора, глубину банок и прилегающих к ним мест, которые находятся в Вайгаче и дальше к востоку в Тартарском море

Van drie seylagien / ter werelt sooyt loo vreemt ghe-

hoort / dyne jaren achter malcanderen deur de Hollandesche ende Zeelandische schepen by noorden Noormeghen, Bostonia ende Tarrana na de Cominchinen van Cauchay ende China, so mede van de op- betrekkinghe habbt Weygan, Nova Sembia, en daer landt op de 80. gradet / dat men acht Groniendt te zyn / doet nooyt nixsch ghemeynt / dat elke
nambre fele berichtenme deyjen ende ander Zee-monstres ende onbontighe hondt / dat op de lantlic ceptie schip mit 380 vret leende volck
op 76. gradet op Nova Sembia seu huis ghetimmerd / ende 10 maestren haer alder omhouwen debben / mde daer na meer als 300. volcken mit
open elepene schutproo over ende langt dit Zee ghacte. Altemet seit grooten pteghel / nieten ende engeloeftighe f meestighe / Deveu

daes Gerrit de Veer hon Amsterdams.

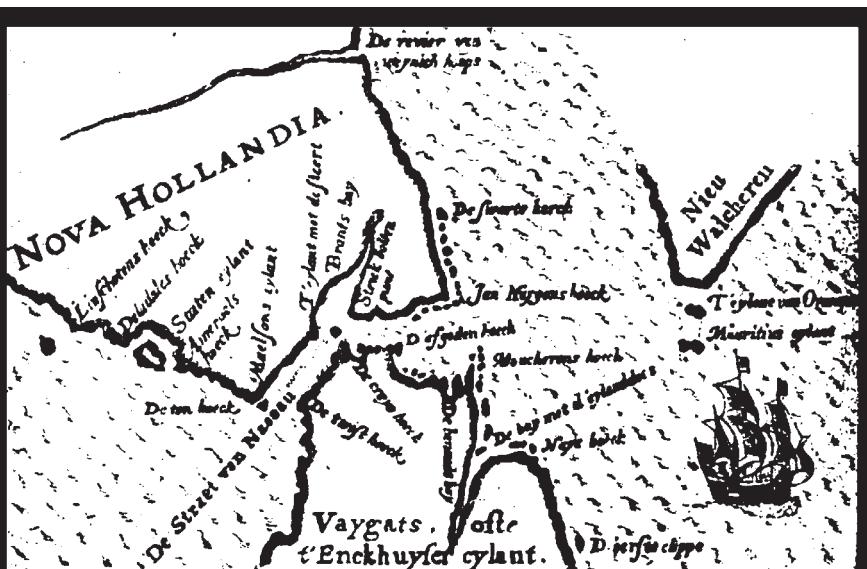
Cchediuckt t' Ainstclcdam , by Cossielis Claesz op't evvater, in Shriif-boeck. A. 1598.

Титульный лист первого голландского издания "Морского дневника" Де-Фера (1598 г.). Текст гласит: "Морской дневник или правдивое описание трех изумительных и никогда не слыханных плаваний, предпринятых три года подряд голландскими и зеландскими кораблями к северу от Норвегии, Московии и Тартарии, в направлении к царствам Китайскому и Синскому, затем как открыты были пролив Вайгач, Новая Земля и страна, лежащая под 80-м градусом, которую они считают Гренландией и в которой никто никогда не бывал; далее о диких и свирепых медведях и других морских чудовищах, а также о невыносимом холоде, который они вытерпели. Как кроме этого в последнее плавание корабль был скован льдом, и сами моряки построили на Новой Земле, лежащей под 76-м градусом, дом и прожили в нем в течение 10 месяцев, и, наконец, оставив корабль во льду, проплыли по морю более чем 380 миль в открытых маленьких подках, с величайшими опасностями, неизмеримыми трудностями и невероятными тяготами. Составил Геррит Де-Фер из Амстердама"

продуктов питания был невелик, и они не были уверены, что у них хватит сил на возвращение. История зимовки этих людей может научить нас многому. Например, что придает человеку силы в экстремальных условиях. Что делает даже такое маленькое общество (как было у Баренца) крепким и полным жизненных сил. В те дни, когда

стояла спокойная погода, моряки обследовали ближайший район суши. Они обнаружили реку и вынесенную на берег древесину. Они заметили спеды, как они считали, оленей и лосей. И они с горечью познали, что шхуна их зажата льдом, который простирался настолько далеко, насколько они могли это видеть. 11 сентября Де-Фер пишет, что им остаются только две вещи: сделать все возможное для выживания и отдать свою судьбу в Божьи руки.

Но первым делом нужно было построить дом для зимовки. На шхуне было много материала, но для деревянного каркаса нужно было что-то посолидней. 12 сентября они начали поиск бревен. На берегу они нашли много вынесенной из моря древесины, которую они восприняли как Божий дар. Они ходили за бревнами два раза в день по 6000 шагов в одну сторону. 15 числа они смастерили сани,

чтобы перевозить бревна. 16-го начали перевозить бревна на место строительства. Затем пошел снег, и перетаскивать бревна стало тяжело. Похоже, что они еще не понимали, что времени для подготовки зимовки у них осталось очень мало. Для того, чтобы перенести все бревна, им понадобилось целых 14 дней. 23 сентября скончался корабельный плотник, и все же 25-го они начали собирать дом. Они боролись с ветром и снегом, но за 5 дней из бревен они возвели стены. Дом, с перегородкой для кладовой, имел 4 стены по 10 метров каждая. В крыше соорудили отверстие для выхода дыма. Щели были заделаны паклей и смолой; здесь хорошо пригодились морские навыки голландцев. Пакля забивалась в щели отверткой и сверху зашивалась разогретой смолой. 7 октября они уже начали прикачивать доски на крыше, которые затем были покрыты парусиной и засыпаны песком. Хотя спальные места еще не были закончены, 12 октября они уже впервые ночевали в доме.

Удовольствие это оказалось весьма прохладным, и их оптимизм на время сменился пессимизмом. Мысли о предстоящих долгих зимних месяцах не давали покоя морякам. Но другого выхода у них не было. Оставалось только набраться терпения и ждать, а дом, давший им прибежище от непогоды и ветра, был самым первым необходимым для этого условием.

На случай, если судно будет сильно повреждено или раздавлено, обе имеющиеся там лодки были переправлены на берег, а одну даже дотащили до дома. Теперь они обеспечили себя всем самым необходимым для возращения, и нужно было обеспечить себя провиантом. На судне было много соленого мяса и вяленой рыбы, крупы, гороха и бобов, сыра и масла, пива и вина, а также хлеба. Они перенесли все, что им было нужно, а также бочонки с пивом и вином.

Как-то раз, поднимаясь на судно, чтобы перенести экипировку, моряки внезапно столкнулись с белым медведем. Двое из них взяли алебарды для защиты от животного, а остальные побежали к шхуне. Одному из них не повезло, и он провалился в полынью между льдами. Все думали,

Очертание или фигура изумительного явления, виденного на небе 4 июня 1596 г.: солнце с обеих сторон имело другое солнце, и две радуги пересекали эти три солнца, затем из двух радуг одна широко окружала солнце, а другая пересекала этот большой круг; нижняя часть этого большого круга поднималась над горизонтом на 27°

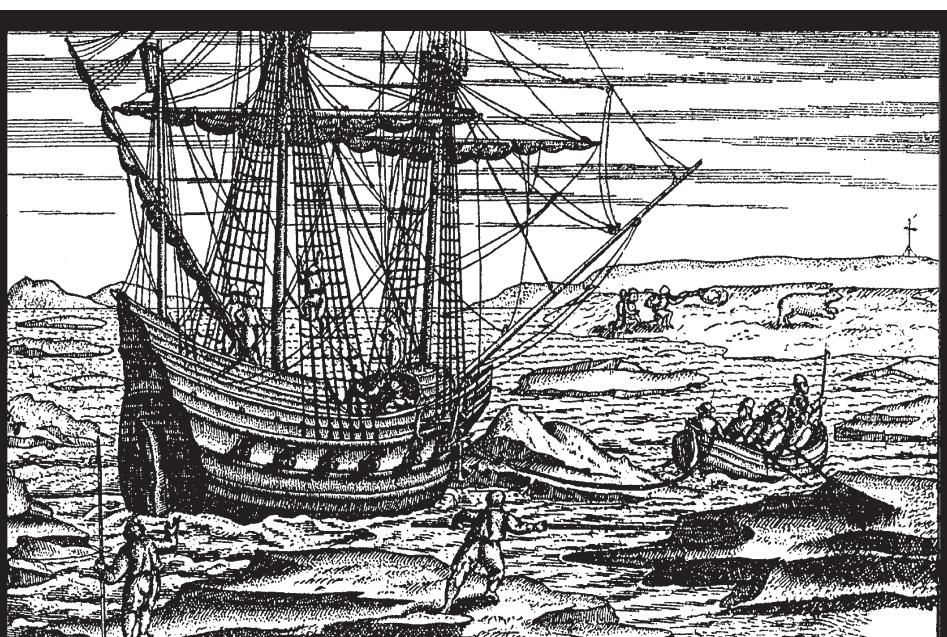
что он погибнет. Но медведь продолжил преследовать тех, кто побежал дальше, и провалившийся в полынью неудачник смог вылезти на лед.

Моряки обежали шхуну и поднялись с другой стороны. Можно сказать, что им просто повезло. Но Де-Фер пишет что здесь: "не обошлось и без Божьей помощи".

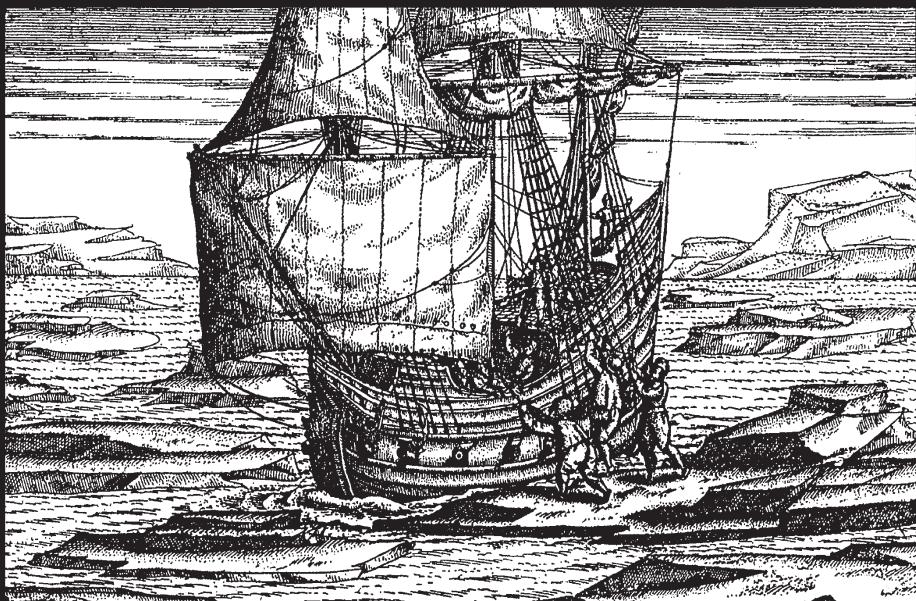
Провианта было много, но все же он не был рассчитан на целую зимовку. В ноябре они решили, что необходимо делить продукты на порции. Каждый человек получал примерно 250 граммов хлеба в день. Порция вина составляла две маленькие чашки на человека. Сыр также делился на порции.

Рассчитывая порции провизии для экипажа, капитан, конечно, думал об обратной дороге.

Такими же необходимыми, как и продукты питания, были дрова, и они работали изо всех сил,

Изображение того, как, затертые во льдах, мы были в большой опасности, от которой едва спасли корабль; кроме того как страшный медведь, лежавший за ледяной глыбой и разбуженный нашими криками, пошел на нас, и нам пришлось сражаться с ним, оставив работу, пока, наконец, мы не убили его, победив с большим трудом

Изображение того, каким образом мы были у Ледяной гавани окружены льдом и не могли никуда пройти, и напрасен был весь затраченный нами труд, чтобы отогнать лед и открыть путь, и каким образом при прохождении через льды мы чуть не потеряли трех человек, если бы не их собственная ловкость: когда лед проходил мимо корабля, они схватились за канаты у борта корабля, там, где прикреплены главные паруса, и таким образом взобрались на корабль; это было ужасное зрелище

чтобы получше запастись ими.

Дни становились короче. Еще немного, и солнце исчезло за горизонтом. И зимовщики заметили, как много значил для них дневной свет. По мнению моряков, солнце было самым большим добром, которое может быть у человека. Постоянное пребывание в доме без движения вело к тому, что они постепенно ослабевали. Но в середине января, когда полярная ночь все еще окутывала их, они начали играть в мяч на улице, и играли много раз в течение зимних месяцев.

По-видимому, они поняли – чтобы выйти из своего ледяного плена и грести по морю, они должны восстановить свои физические силы. Де-Фер пи-

шет, что они также начали делать небольшие прогулки и немного бегать, чтобы восстановить мышцы.

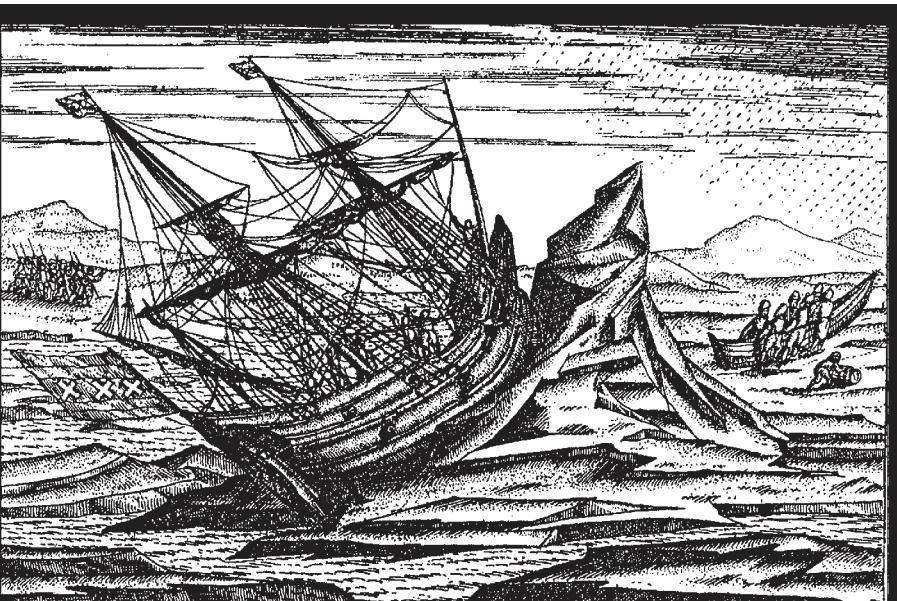
Но больше всего сил им придавало соленое мясо, хотя вокруг дома Вильяма Баренца и его людей бродило множество белых медведей. Но мясо белого медведя они попробовали только два раза. Первый раз на острове Медвежьем в зиму первого путешествия, и оно им почему-то не понравилось. Они не осмеливались употреблять медвежатину в пищу до тех пор, пока в мае 1597 года сами не начали умирать с голода. Но и тут им не повезло, поскольку, пишет Де-Фер, – многие сразу же заболели и чуть не погибли.

Возможно, что сначала они стали есть печень. В этом случае им крупно не повезло. Печень белого медведя настолько пропитана витамином А, что делает ее весьма ядовитым продуктом. Само же мясо, наоборот, не представляет никакой опасности. Медвежатина составляла основу рациона Ф. Нансена и Г. Иогансена во время их зимовки на Земле Франца Иосифа 300 лет позднее. Эти люди также пили кровь медведя, жарили его мозги, варили бульон из медвежатины. И не только не заболели, но и полностью избежали цинги.

За зиму 1597 года голландцы убили 13 медведей. С них снимали шкуры, вытаскивали клыки. Все это предполагалось отвезти обратно в Нидерланды для продажи. А медвежий жир они использовали как масло для ламп.

При том рационе, который был во время экспедиции Баренца, цинга была большой опасностью, и Виллем Баренц прекрасно это понимал.

Уже в январе несколько человек начали страдать от цинги. Должно быть, они все же поняли, что свежее мясо лучше, чем имеющийся у них провиант. Этому способствовал первый же подстреленный песец. Де-Фер пишет 27 ноября: "Как будто Бог послал нам их, когда мы в этом нуждались". Они смастерили силок для ловли, но результат оказался не особенно обнадеживающим. Тогда вместо

Изображение того, как после долгих и мучительных плутаний мы были затерты льдом. Он надвинулся на корабль с такой силой, что, казалось, что сломается все, находящееся рядом и по соседству с кораблем. Когда же корабль неожиданно выпрямился, а Виллем Баренц и его помощник, лежа перед носом на льду, измеряли, до какой высоты корабль подняло, они подвергались немалой опасности, так как нос был страшно приподнят, а корма казалась опустившейся почти на дно. Тем временем, спустив лодку, моряки тащат ее к земле, нагрузив несколькими бочками с хлебом

этого они изготовили ловушку – крышку из толстых досок, на которой находились камни, а под ней – приманка. Когда песец тянул приманку, крышка захлопывалась. До конца февраля они поймали еще 25 песцов. С появлением солнца песцы попадаться перестали.

Они не часто мылись (всем телом), и корабельный врач заметил, что плохая гигиена плохо влияет на настроение моряков. В начале ноября они сделали из большой пивной бочки специальный чан для купания. В нем зимовщики часто мылись, после чего душа и тело, как пишет Де-Фер, – "получали новые силы".

Не менее важным для выживания в экстремальных условиях, чем гигиена тела, была и гигиена ума. При этом лидерские качества капитана и штурмана команды имели, по-видимому, решающее значение для исхода зимовки. И мужественным офицерам удалось сделать из команды зимовщиков единомышленный коллектив. Подтверждает это и дневник Де-Фера, написанный в спокойной манере от первого лица множественного числа.

Когда они поняли, что им придется зимовать, 11 сентября Де-Фер пишет: "Мы решили, что разумно построить небольшой дом". Это найденное решение, а не приказ. 16-го он пишет: "Мы впервые пошли за дровами". 17-го: "13 человек отправились к месту, где был найден плавник". 25-го: "Мы подняли каркас дома". 26 сентября: "Мы начали устанавливать стены, часть группы ушла за топливом, другие же занимались обработкой дерева и строительством дома".

Каждые делал то, что он умел лучше всего.

В ноябре капитан раздал шерстяные одеяла. Их раздали "по потребности". Такой принцип работал до тех пор, пока необходимых вещей было много. Еды было мало, и распределяли ее по-другому. На 22 ноября у них осталось 17 головок сыра, а людей было 16. Одну головку они съели вместе, а остальные разделили по одной на каждого.

Во время обратного путешествия на лодках они также одинаково делили продукты питания.

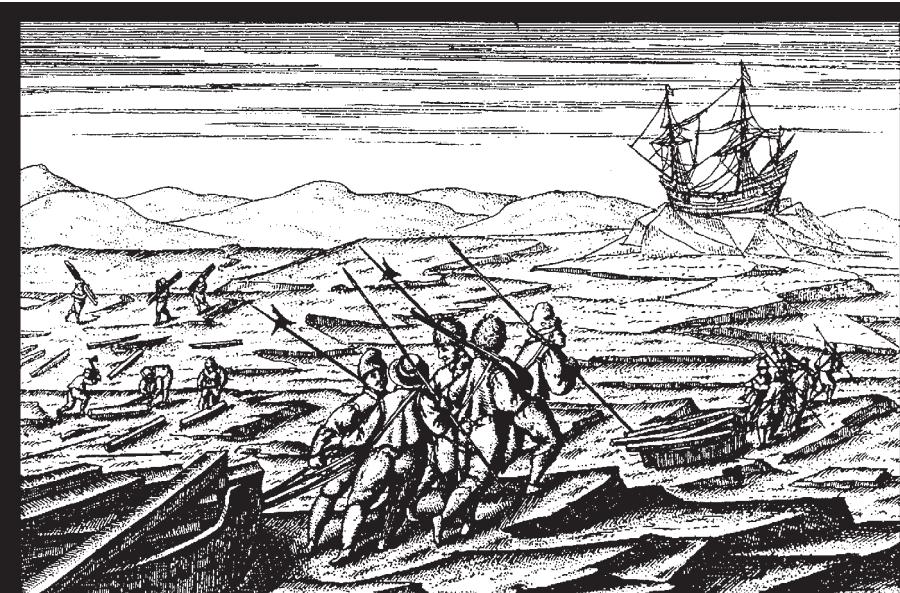
Изображение трех медведей, подходивших к кораблю: один засел за ледяной глыбой, два других подошли к кораблю очень близко. Один из них, кравший часть мяса из кадки, выставленной на холод, упал, пораженный пулевым пулеметом; другой, не зная, что с этим медведем случилось, долго стоял, обнюхивая его, и, наконец, убежал. Потом он вернулся, пошел против наших и стал на задние лапы, чтобы напасть на них, был поражен пулеметом, но все-таки убежал. Третьего медведя, который был убит, моряки поставили на задние лапы и выставили на мороз.

Больной или здоровый, высокий или маленький, все получали одинаково.

Такой порядок принял капитан, полагая, что все они одинаково ценные перед Богом, и каждый должен самостоятельно приложить максимум усилий для выживания. Все вместе, но каждый за себя!

В дневнике говорится и о том, как принимались решения. В отношении порядка заготовки дров, они "пришли к согласию", и они "создали правила об уборке снега". Но работали не все.

В обоих случаях от работы освобождались два человека: капитан и штурман. По-видимому, уважение к офицерам было настолько высоким, что они просто согласились с этим. И все же такое положение вещей было не совсем разумными для

Изображение того, как нам пришлось строить дом для защиты от холода и диких зверей. На Новую Землю занесены были с другого берега моря деревья; мы перевозили их на санях на место, назначенное для постройки дома, дважды в день, с большими тяготами и трудностями, приблизительно за две мили расстояния, и это проделывали мы почти пятнадцать дней подряд; нужда заставляла нас прилагать огромное старание при постройке, так как, начиная с этого момента, мы строили одной или двумя неделями позже, нам невозможно было бы довести это дело до конца.

Изображение того, как мы начали строить дом и перетаскивали к нему лес, складывая его в кучу; затем, по окончании постройки дома, мы положили на него глыбу льда вместо зеленой ветки. Дом был выстроен по северному обычаю: бревна были положены одно на другое вкось, и промежуточные расстояния плотно законопачены для защиты от холода и мороза; верхняя часть дома была по большей части квадратная и покрыта досками; дом имел камин и сени

всего коллектива, в том числе и для капитана и штурмана. Освобождение от заготовки дров и уборки снега, и, как следствие, отсутствие дополнительной физической нагрузки определенно, как оказалось впоследствии, не пошло им на пользу.

В ноябре мороз стал усиливаться, и имеющаяся одежда уже не спасала людей. Среди товаров на корабле был тюки с материей из шерсти и хлопка. Но только в ноябре их раздали команде (По мнению капитана – это были прежде всего товары!). Из хлопка и шерсти зимовщики сшили себе рубашки. А из шкур песца они сделали себе шапки. Их обувь из кожи также не выдержала мороза – она дубела и

вскоре многие почувствовали головокружение, и не было никаких сил, чтобы встать. И все же один из зимовщиков добрался до двери и открыл ее. Они были на волоске от смерти.

В дни перед рождеством задул сильный ветер и повалил снег. У них было три двери на каждый ветер. Ежедневно им приходилось откапывать выход наружу. Такая работа не вызывала ни у кого большой радости, но все выполняли ее согласно очередности.

23 декабря – был днем зимнего солнцестояния. Прошла половина полярной ночи! Мысли об это придали голландцам новые силы. "Надежда смягчает мучения", – пишет Де-Фер.

6 января 1597 года, день Богоявления (по-голландски праздник "Трех Царей"), они отпраздновали по обычаю своей родины, пирогом, испеченным из муки с ворванью. Состоялись шуточные "выборы" своего короля. Им стал заведующий снаряжением и огнестрельным оружием, и его торжественно провозгласили властелином Новой Земли.

24 января стихла метель, и опять показалось солнце, но мороз продолжал держаться. В январе им пришлось еще больше урезать порцию хлеба. Борьба за жизнь вступила в конфликт с заботой о слабых. Из записей Де-Фера мы узнаем, что некоторые моряки начали пробовать отхватить себе кусок побольше. На судне оставалось еще запасы про-

В то время как мы были заняты доставкой к дому саней, нагруженных необходимыми вещами, взятыми с корабля, к нам неожиданно явились три медведя; увидев их, мы сильно испугались; бросив канаты, часть побежала в направлении к кораблю, и один из бежавших, попав в трещину среди льда, подвергся сильной опасности; часть же осталась у саней и, вооружившись алебардами, приготовилась к сопротивлению. Пока медведи преследовали других бежавших, упавший в трещину выбрался оттуда и еще невредимым добрался до корабля с теми, кто оставался у саней; медведи пытались влезть на корабль, но ударами палок и алебард были обращены в бегство

визии, а голод был так невыносим! Иногда в хорошую погоду кто-нибудь из членов команды отправлялся на судно, чтобы прикарманивать себе немного "корабельного хлебца". Выражение "прикарманивать" в дневнике Де-Фера означает, что они не делились с остальными, а съедали все сами на месте.

16 февраля была масленица, и Баренц предложил снова организовать праздник. Но, кроме как маленькой порцией вина, они ничем не смогли отметить этот день. Тем не менее на первом месте у всех была радость от того, что, как они думали, зима подходит к концу.

А сил у них оставалось все меньше и меньше. Теперь, чтобы тащить небольшие сани с дровами "запрягалось" до 11 человек. И все же с каждым днем они все больше замечали приближение весны и надеялись, что скоро смогут отправиться в обратный путь. И это придало им больше сил и уверенности.

В начале мая море совершенно очистилось от льда, и голландцы стали совещаться о том, каким способом пробраться на родину. Поднять судно и починить его не было никакой возможности. Единственная надежда на спасение была в лодках. По временам северо-восточный ветер опять пригонял лед. Тогда окончательно падал дух у людей. Нужна была неослабная воля капитана и нравственная сила шкипера, чтобы ободрить их в упорном труде, – ведь скоро они смогут выйти в море! Две недели они потратили на подготовку лодок. Им также пришлось обрубать лед, чтобы спустить лодки ближе к воде. Надежда скоро выйти в море также придавала команде силы.

Раньше чем выйти из Ледяного залива, Баренц написал краткий отчет о их зимовке на Новой Земле

Изображение того, как по случаю сильного холода мы зажгли каменный уголь и закрыли камин и дверь, чтобы удержать тепло внутри дома. От этого мы чуть не заснули и от угаря могли умереть, так что не были бы в состоянии потом рассказать об этом другим; но как только мы это заметили и пришли в себя, мы вышли из дома и очистили от снега песцовье ловушки

и прикрепил пороховницу с бумагой к дымовому отверстию избы. Капитан также написал рассказ об их приключениях в двух экземплярах, по одному на каждую лодку. Все, кто смог, подписались под этим повествованием. Затем они упаковали снаряжение. Всего получилось 11 груженых саней (заполненных, в том числе и такими товарами, как шерстяная ткань, материал из хлопка и бархат – товары все еще собирались продать!). Из продуктов питания на дорогу у них оставалось 13 бочек с хлебом, одна бочка с белым сыром, свиной бок и два бочонка с растительным маслом.

Вот как описывает отплытие Геррит Де-Фер в

Изображение свирепого медведя, дерзко подступавшего к дому и убитого одним из наших, стоявшим при входе, у самой двери; из этого зверя мы добыли почти сто фунтов жира, очень нам необходимого для ламп, к которым мы раньше, за недостатком масла, прибегали редко, тогда как теперь они стали у нас гореть всю ночь

Изображение того, как мы приступили к починке лодки, чтобы иметь возможность вернуться на ней домой, так как в силу продолжительного холода и лишений мы были совершенно истощены и ослабели; нам пришлось оставить работу, мы не могли дотащить лодку до дома, чтобы чинить ее там. От этого мы почти упали духом, полагая, что хотя тягостная зима уже прошла, нам все же придется застрять здесь и погибнуть, так как из-за слабости мы не могли переносить трудов

своем "Морском дневнике".

"Снеся все в лодки, мы отправились домой и перевезли на санях к воде, где стояли лодки, Виллема Баренца, а затем Класса Андриссона, оба они были больны. Таким образом разместились мы по лодкам, разделившись и приняв в каждое судно одного больного. Тогда капитан велел поставить обе лодки рядом и дал нам подписать письмо, которое, как было сказано раньше, он составил. Содержание его следующее:

"Вплоть до сегодняшнего дня мы ожидали и надеялись, что корабль освободится от льда, а теперь на это остается очень мало надежды или нет никакой, потому что корабль крепко окружен льдом, да притом в конце марта и начале апреля лед так уплотнило и наторосило, что мы стали раздумывать, каким образом нам дотащить лодки до воды и где найти для этого удобное место. Поэтому я предложил на обсуждение Виллема Баренца,

главного штурмана корабля, а также других должностных лиц и всех прочих вопрос, как нам спасти себя и некоторые товары купцов. Мы не нашли лучшего решения, как починить наши лодки и приготовить, насколько возможно, все необходимое, чтобы не пропустить время, так как, не использовав его, мы рискуем погибнуть от холода и нужды.

Да и теперь надо бояться, чтобы этого не случилось, так как среди нас есть три или четыре

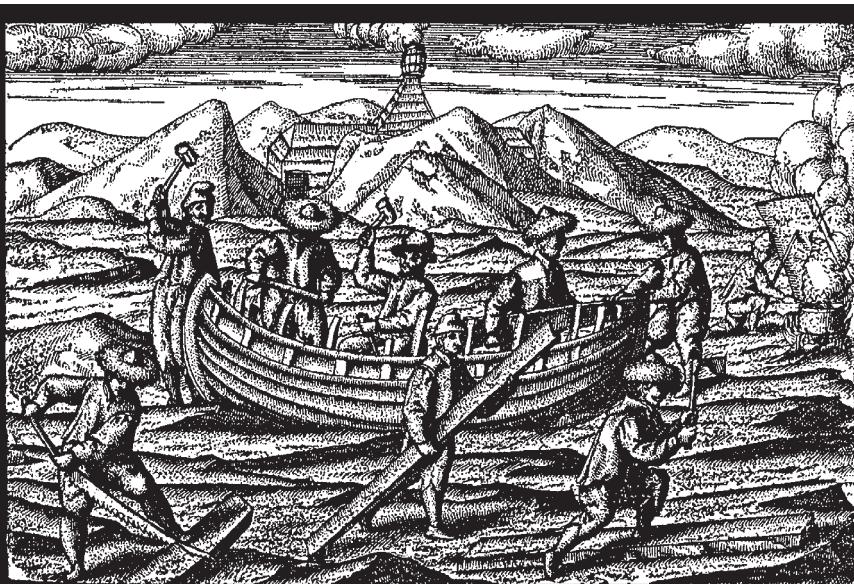
человека, от которых мы не можем ожидать никакой помощи – они до такой степени истощены холодом и недугом, что не обладают силой даже и на полчеловека.

Далее следует предвидеть, что дела будут не вполне благополучны как из-за длинного пути, который предстоит нам проделать, так и потому, что с хлебом не дотянуть до конца августа; а между тем легко может выйти, что если с нами случится в пути что-нибудь скверное, то раньше этого времени мы не доберемся ни до какой страны, где могли бы приобрести что-либо, хотя, начиная с настоящего часа, мы принимаем к этому все меры.

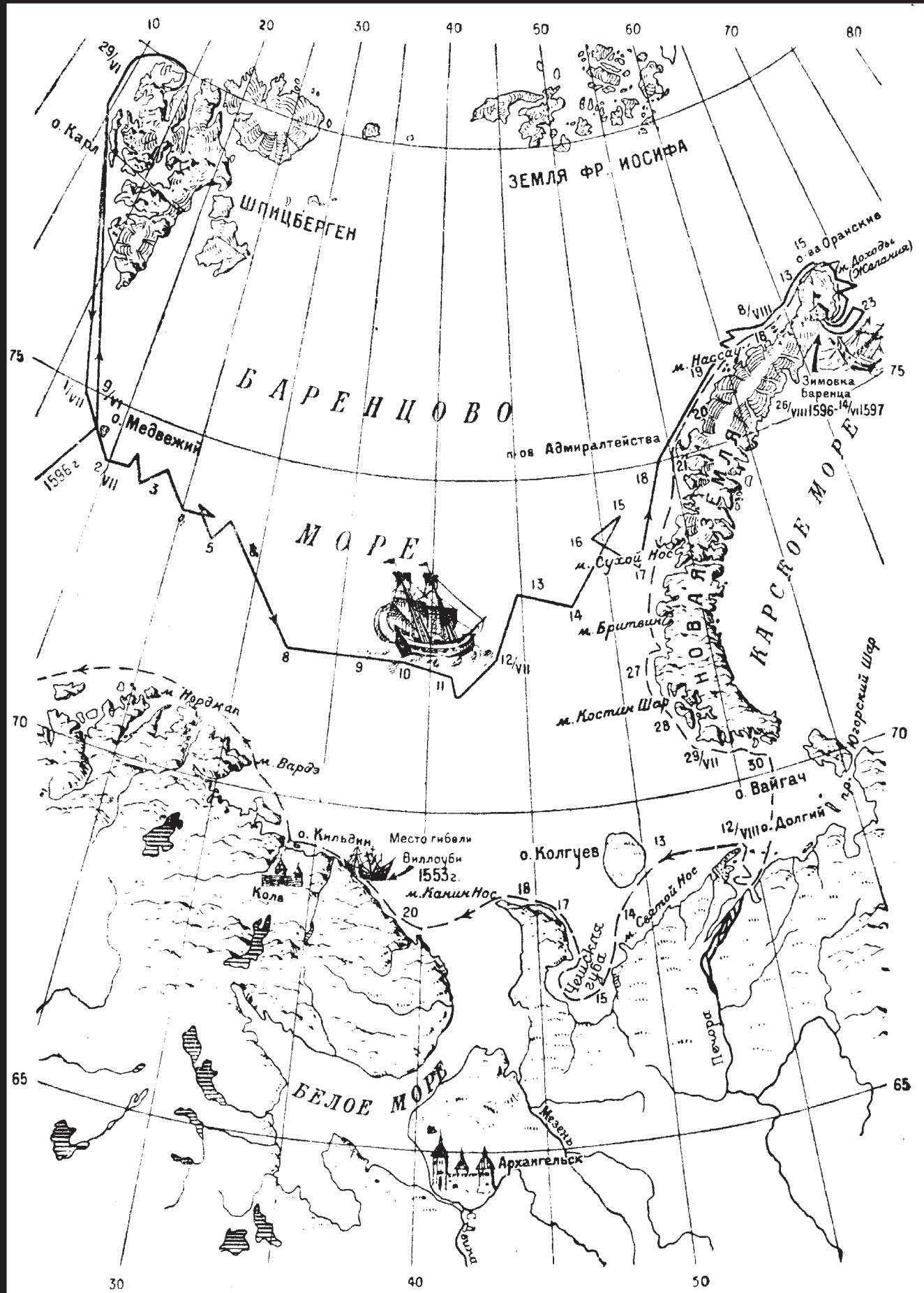
В силу всего этого мы решили не ждать дольше, так как сама природа учит нас думать о самосохранении. Все это мы постановили единогласно в подписали 1 июня 1597 года. Так как сегодня мы готовы, имеем попутный западный ветер и открытое море, то мы собрались отплыть, потому что корабль все еще остается крепко затертым льдом, и в его положении мы не заметили никакой перемены к лучшему, несмотря на частые и сильные ветры с W, N и NW, и поэтому в конце концов мы его покинули. Сего 13 июня 1597 года.

Подписали: Капитан Яков Гемскерк, штурман Виллем Баренц, Питер Питерсон Фос, Геррит Де-Фер, магистр Ганс Фос, Леонард Гендриксон, Лаврентий Виллемсон, Яков Янсон Шидам, Питер Корнелиссон, Ян Рейнирсон, Яков Янсон Штерренбурх".

В голландском оригинале

Изображение того, как мы работали над лодкой, чтобы сделать ее более пригодной для плавания по морю, когда оно откроется, ибо нам предстояло проделать на открытой лодке длинный путь в триста миль вдоль берега раньше, чем мы доберемся до ближайшего обитаемого места, до Руси за Белым морем

Маршрут плавания Виллема Баренца в 1596-1597 гг.

W. Barents' sailing route 1596-97

Изображение того, как мы с большими трудностями и тягостями выравнивали дорогу по льду топорами, застурами, лопатами и другими инструментами, чтобы удобнее протащить лодки к воде, и как медведь, вылез из воды на лед, свирепо приближался к нам и чуть было не схватил одного из наших, но один из наших ранил его из ружья; медведь убежал и после был убит

"meester". Это был врач экспедиции, называемый Де-Фером иногда цирульником. В средние века функции врача обычно выполняли цирульники. Звание "meester" (магистр) указывает, однако, что Ганс Фос был не цирульником, а ученым медиком.

Следует заметить, что запись в дневнике от 13 июня и только что приведенный документ Якова Гемскерка написаны очень тяжелым неправильным слогом, что, может быть, объясняется волнением составителей.

14-го июня 1597 года славные смельчаки простились с неприветливым пустынным берегом, где они провели восемь тяжелых месяцев и, подгоняемые западным ветром, пошли на северо-восток.

Но идти по свободной от льда воде им пришлось недолго. Всего через пару дней после того, как они отправились в обратный путь и обогнули северную точку Новой Земли, задул ветер, и по-

нулись.

Затем Баренц и его спутники пошли к северу вдоль утесистого берега Новой Земли, покрытого льдами. Море было бурное. 20-го июня они дошли до Ледяного мыса. Здесь они пертерпели самую тяжелую потерю. Геррит Де-Фер описывает это следующими простыми словами: "20-го июня погода стояла ровная,

ветер западный; когда солнце было на юго-

востоке, Класс Андриссон стал себя чувствовать очень дурно, и мы видели, что он скоро кончится. Старший боцман пришел на наш ялбот и сообщил нам это, прибавляя, что Классу уже немного остается жить.

Тогда заговорил Виллем Баренц и сказал, что недолго переживет Класса. Мы вовсе не полагали, что Баренц так серьезно болен. Он отложил карту в сторону и сказал мне: "Геррит, дай мне пить". Едва успел он напиться, как им овладела такая слабость, что глаза стали закатываться, и он внезапно скончался. Мы даже не успели призвать

явились дрейфующие в разные стороны льдины.

Однажды им пришлось идти между двух больших льдин, которые постепенно начали смыкаться. Сначала им пришлось затащить лодки на одну из льдин и перетащить лодки со всей экипировкой на другую сторону льдины.

Когда они спустили лодки на воду на другой стороне льдины, то увидели еще одну дрейфующую в их сторону.

Они гребли изо всех сил и, почти полностью обессилев, смогли пройти между льдин до того, как они с треском сомк-

Письмо В. Баренца, найденное на Новой Земле в 1875 году

Изображение и описание того, как мы стащили лодку к воде, а также сани, нагруженные товарами, продовольствием и другим имуществом, а затем довезли до лодок Виллема Баренца и Класса Андриссона, которые оба были больны, и как мы разместились по лодкам почти поровну и пустились в море, радуясь, что настал день, когда мы смогли выбраться из этой дикой, пустынной, суровой и холодной страны

начальника другой лодки, чтобы с ним поговорить. Вскоре скончался и Класс Андриссон".

Через неделю снова появился дрейфующий лед. С невероятными усилиями им вновь пришлось затаскивать лодки на лед. Но льдина, на которой они стояли, треснула, и большая часть снаряжения утонула. Они потеряли большую часть припасов, одежду, товары, были совершенно измождены голодом, но снова сумели сохранить свою жизнь. Де-Фер пишет в том же духе: "Нужда и желание жить делает слабого сильным". Но продолжить свой путь дальше они не могли. Лодки нужно было чинить.

Несколько человек отправилось на берег, где они нашли все, что им было нужно, — бревно для мачты и дрова для костра, чтобы разогреть смолу. Дрова находились на берегу, и до лодок было далеко. Чтобы развести огонь на льду, им пришлось бы

Изображение того, как от давления плывущих льдин лодки были почти споманы и как с большой опасностью для жизни был перенесен канат на пристай, куда при помощи этого каната мы перетащили лодки и выгрузили больных со всем имуществом. В этом месте Виллем Баренц и слуга его Класс Андриссон на следующий день умерли в один и тот же час

($76^{\circ} 30' \text{ с. ш.}$), а 24-го — мыса Нассау. Чтобы пройти 111 км до Крестового мыса, потребовалось еще 25 дней. 21 июля они прошли Сухой Нос, а 22-го числа укрылись от льдов в обширном заливе под $73^{\circ} 10' \text{ с. ш.}$, где и простояли четыре дня. Предполагаемый залив, по географическому положению и протяжению, был ни что иное, как Маточкин Шар, узкий извилистый пролив, пересекающий Новую Землю на две части и ведущий из океана в Карское море. Но ни при первом своем посещении, ни при втором голландские открыватели так и не узнали, что это пролив и что Новая Земля двойной остров.

Непрерывно теснимые льдами, они 28-го июля дошли до Строгановской губы. Здесь они встретили две лодки русских промышлен-

Изображение того, как мы из-за плавучих льдин вынуждены были выгрузить на пристай все, что у нас было в лодках, и вытащили туда же самые лодки, раскинув над ними паруса, чтобы несколько отдохнуть, поставив одного часового. Затем, как ночью пришли к нам три медведя, один из которых был убит, а остальные убежали, но, вернувшись на следующий день, оттащили на далёкое расстояние и частично съели убитого медведя, а в конце концов они были нами прогнаны

делать настил из камней. Это было нелегко.

Им пришлось выбирать. Оттащить лодки и все снаряжение на землю? Нет. Они, обессиленные голодом и тяжелой работой, решили принести камни и бревно с дровами на лед.

23-го июня моряки, следуя по пути, предначертанному Баренцем, достигли мыса Утешения.

Изображение того, как мы были сжаты льдом и подвергались величайшей опасности, ибо лодка сломалась и многое у нас погибло, так как, пока мы спасали одно, другое тонуло; льдины у нас под ногами очень часто ломались, потом поднимались вместе с нами и ударялись о пристай, рассыпаясь на куски, причем мы рисковали переломать себе ноги или совершенно погибнуть

Изображение того, как у восточной стороны Крестового острова мы стащили лодки с припая в воду, а затем поставили паруса для успешного плавания в направлении к WSW при NO ветре (обогнув и пройдя остров Адмиралтейства, залив Ломбей и мыс Планция, на протяжении приблизительно шестидесяти миль, раньше, чем наткнулись на лед, который не рассчитывали больше встретить

ников, которые дали им хлеба и копченой дичи.

Все голландцы уже страдали цингой, и поморы дали им настойки ложечной травы, произрастающей на Новой Земле в изобилии, что принесло морякам немалое облегчение.

3-го августа голландцы взяли курс к материку, который и показался им на другой день близ Печоры. Плыя далее, они все чаще встречали русских моряков, которые принимали в них живеешее участие, указывали им путь и оказывали всячую помощь.

Еще одно испытание им было уготовано 18 августа, когда целый день они вынуждены были гребсти против встречного ветра, а впереди показывается мыс, который должен быть ни чем иным, как

Сделав безуспешную попытку пробраться в северном направлении, он вернулся в Голландию. Потом он отправился в Россию с коммерческим грузом и теперь возвращался на родину.

Обе шлюпки, на которых команда Баренца в течение трех месяцев боролась со всеми ужасами полярного моря, были ими выставлены на господином дворе в Коле как образец мужества.

Им пришлось пережить 10-недельное изнурительное путешествие, во время которого голод и усталость не раз начинали брать верх. Они боролись за жизнь; они гребли и шли под парусом, и прошли 3000 км в открытых лодках. А экипажи лодок, которых считали уже давно погибшими, сошли в Амстердаме на берег, одетые в свои медвежьи шкуры, при радостных криках собравшегося народа.

Из 17-ти зимовавших на суровом берегу Новой Земли только 12 увидели свою родину.

Примечание редакции.

Впечатление от путешествий голландцев отразилось в России достаточно поздно.

Некто С.А. Белокуров в "Чтениях Общества истории и древностей российских" за 1895 опубликовал краткий пересказ известий корабельного журнала голландцев с 18 мая 1596 года до 27 августа 1597 года. Заканчивается публикация описанием Новой Земли из неизвестного источника. Приводим его полностью.

Изображение того, как после продолжительного и тягостного пути мы добрались до двух русских кораблей, на которых были люди, нас признавшие, ибо в прошлом году они были на нашем корабле в проливе Вайгач, и как мы жалостно смотрели друг на друга, не имея возможности с ними говорить. Тем не менее русские приняли нас очень дружественно и пожалели нас. Мы сильно обрадовались, что опять попали к людям, которых не видали в течение тринадцати месяцев

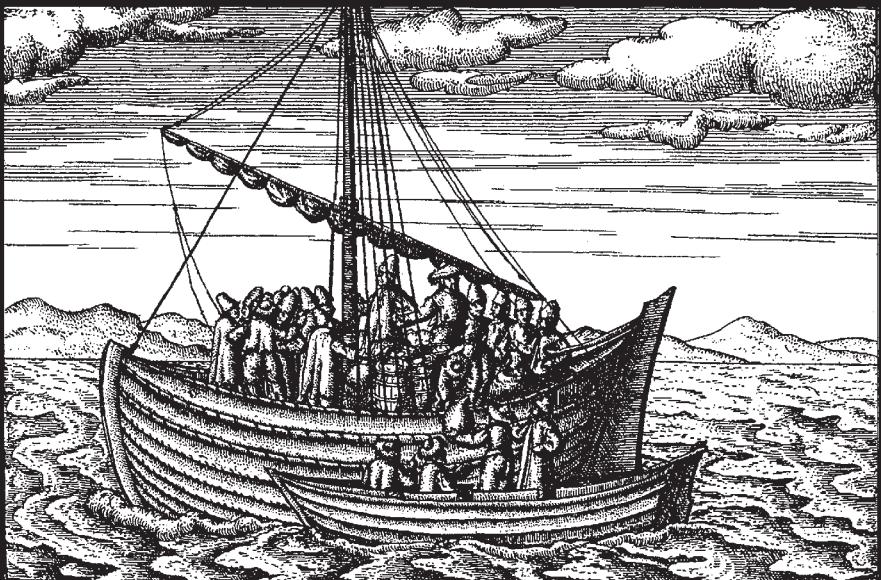
Каниным Носом. И голландцы понимают, что бороться придется не на жизнь а на смерть! Почти полностью обессиленные от голода, они вновь берутся за весла.

Поистине надежда делает слабого сильным.

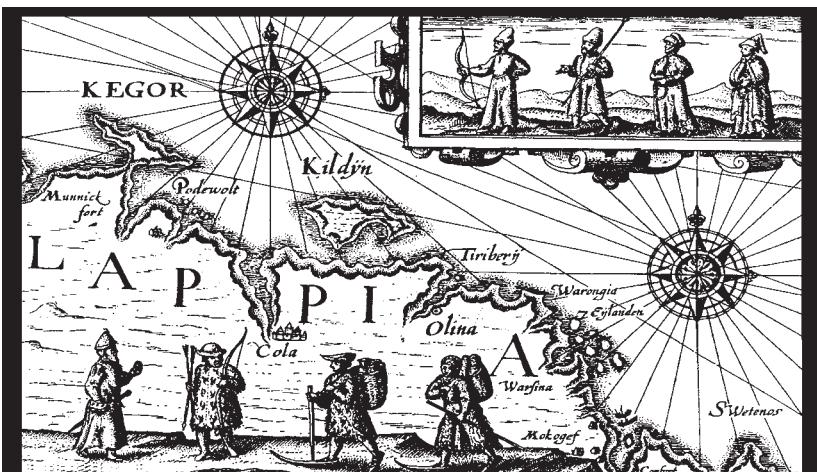
Вконец обессиленные и без пресной воды 27-го августа они дошли, наконец, до "Семи островов", где получили радостную весть – в Коле стоит голландское судно.

Это было удивительное и странное совпадение! Да, это был корабль Яна Корнелиссона Рипа, с которым они расстались в предыдущем году на Медвежьем острове.

"Новая Земля отдалися к северу, чаят от самого материка отделилась, потому что меж нию и Печерским берегом есть пролива, именуемая Вайгац; но тою проливою за многими лдами изо Лдоватого моря плывущими кораблем проходити невозможно. За тою проливою Тартарское или Лдоватое море, в которое многие сибирские реки впали. А Новой Земли длина от Вайгаци до зимовья немецкого 1000 верст. А позади зимовья Новой Земли берег с Сибирским берегом сшелся ли, того не ведомо. Та земля великой ради стужи неудобожителна, зане всегда кроме малого времяни покрыта есть снегом и на брэгах великие и страшные лдяные горы; лесов никаких нет, токмо в некоих местах трава ниская и мох. От августа по июль месяц бывають морозы нестерпимые и солнца не видеть три месяца, в которое

Изображение того, как мы подошли к русскому кораблю, думая, что уже прошли Белое море, и как русские объяснили нам, что мы не достигли мыса Кандинес; как они оказали нам много благодеяний, продав нам продовольствие, скорок, муку, масло и мед. Это нас сильно подкрепило, а вместе с тем мы радовались, что нам указан правильный путь, которому мы должны следовать; одновременно мы сильно горевали, что наши товарищи отделены от нас и находятся в море

Изображение того, как после долгих странствований мы добрались до западного берега Белого моря, где нашли русский корабль с 13 людьми, которые в высшей степени дружественно приняли нас в своем доме и дали пищу; у них мы встретили двух лапландцев с женами и детьми, жизнь которых была жалкая; описание их одежд и обрядов; как далее наши товарищи, которые были отделены от нас, неожиданно тут к нам явились

время тамо бывает непрестанная тма. Кроме медведей множество там песцов черных и белых, на берегах находят рыбью моржовую кость, овогда и инороговою. А на горах обретается множество гусей диких, которые людей видя не отлетают и их ловят руками и бьют палками".

Изображение Кильдина и того, как мы пришли к трем russkim, жившим в маленькой хижине и, узнав тут, что мы находимся недалеко от Колы, попросили показать нам лапландцев, одного из которых наняли за деньги пойти с одним из наших в Колу посмотреть, нет ли там каких-либо кораблей, готовых к отплытию в Голландию; как Ян Корнелиссон, который в прошлом году был вместе с нами, оказался там со своим кораблем. Он доставил нам все необходимое: вино, пиво, хлеб, масло и другое тому подобное для нашего подкрепления, и как мы с ним прибыли в Колу. Далее положение города и гостиного двора, и как russkie, собираясь переходить из одной реки в другую, несут свои лодки на плечах